

Дмитрий ИГНАТОВ

НЕЙРОКАПСУЛА

Осень наступает по всей округе. Раздевает яблони в саду. Золотит рябины на полянах. Пунцовой краской расписывает осины на болотистом берегу. Да и от самого озера всё чаще по утрам тянет холодком. Никакого удовольствия кататься в лодке и неторопливо рыбачить. Тут и улов не в радость. Зябко Петровичу, дома лежит. Перевернётся с боку на бок, закутается в одеяло потеплее, ногу в шерстяном носке спрячет внутрь. А сна уж нет. Так лежит. Думы думает. Их-то у него много. Дум-то. Вот, взять, к примеру: зачем он тут? Зачем-то же ведь нужен, раз есть. А если так, то зачем-то конкретно или абстрактно вообще? И ежели конкретно, то тогда, конечно, лучше. Вот так думается Петровичу. Но больше про науку думается.

Повернётся Петрович на старой тахте. Мыслями в голове скачет, глазами по дому бегаёт. Вещи по углам побросаны. Беспорядок. Хаос. Всё не с руки его разгрести. Да и лень всё. С утра в дом с улицы зашёл. Куртку свою хотел на гвоздь пристроить. Не попал. Так и валяется. Шапка опять же. На табурет колченогий кинул. Сползла. Тоже на полу в углу. Ведро ещё надысь впотымах ногой задел. Так и лежит на боку. Только палец зашибленный на ноге болит.

Да... В своём доме порядка не наведём, а всё туда же... Куда там со Вселенной управиться? Грустно Петровичу. Вздохнёт. Заворочается. Сам подымет, пойдёт и ведро подымать. А, может, так и надо оно? Хаос. Беспорядок. Самый естественный ход вещей это. Термодинамическая стрела времени, уносящая всё в сторону нарастающей энтропии.

Вот и ведро почти проржавело. Скоро совсем прохудится. И ладно. Толку-то с него? Всё одно – пустое стоит.

Картошки начистить что ли... Наберёт Петрович картошки. Под краном холодной водой в миске сполоснёт. Табурет переставит поближе к свету. Сядет над ведром. Читит. Очистки внутрь пустого ведра сыпет. Думает.

Вот взять хотя бы, к примеру, частицу. Ну, вот, атом, к примеру. Нам-то он кажется вполне себе материальным. Вот как картошка прям. Нутро плотное. Снаружи кожа – ещё плотнее. На ней глазки-электроны рассыпаны. Модель грубая, конечно. Масштаб не выдержан. А как взглянешь на него поближе. Вот уж ни глазков, ни кожицы... А так – электронные облака одни вокруг ядра сгущаются. А промеж что? Ничего. Пустота.

Гулко падает очисток в ведро. Брякается об эмалированное дно, побитое сколами, подёрнутое оранжевой ржой. Скрипит нож в хрустящей крахмальной мякоти. Идём дальше. Ядро. Прям в серёдке. Попробуешь нащупать его. Проведёшь эксперимент по рассеянию заряженных частиц. И вот же оно. Вполне себе осязаемое. Натуральный шарик. Хоть щас бери в руку, как эту вот картошку, да пулай магнитным полем, куда хочешь. И вот уже тебе и Большой адронный коллайдер. БАК... И открытия. И новые семейства частиц. И стандартная модель.

Летит белый очищенный кругляш в алюминиевую кастрюлю с водой. Не БАК, конечно. Но тоже большая. Шлёпается о холодную поверхность. Тонет. Капли брызгами вверх, а по воде только круги идут. И вроде бы и дальше понятно всё. Режь да режь. Нейтроны. Протоны. Кварки... Ан нет. Ужо не режутся. Конфайнмент. И вроде всё те же шаррики. Да не те же. Кирпичики мироздания. Да не кирпичики. Кубики – не кубики. Кусочки – не кусочки. Так. Капельки. Пена. Возмущения квантового поля. Эхо Большого взрыва. И кварки. И атомы. И звёзды. И мы. Всё. Всё кругом! Круги на воде. Кипящий вакуум.

Ставит Петрович кастрюлю с картошкой на плиту. Задумывается. Переборщил чё-то. Часть воды в ведро с очистками с шумом отливает. Вот тебе и вакуум. Это же только на словах просто. Пустота – она и есть пустота. А на деле, что твоя жидкость. Кто её знает, на каком она энергетическом уровне. Вроде стоит себе спокойно. Всё видно. Всё прозрачно. А до дна-то ещё много. Глубоко оно. А как начнёшь подводить энергию, то так закипит, что и через край польётся... Вот тебе и стабильность. Метастабильность. А что же плита-то не зажжена? Спихватывается Петрович. В карманах шарит. Достает коробок со спичками. Вот уж бы и поджечь, да медлит что-то. Вечно эта манера людская на ходу передумывать. Смотрит на сковороду. А картошку бы и пожарить можно. Только с чем? Печально с пустом-то... Грибов набрать? И то дело.

Поднимает Петрович куртку. Ножик перочинный в кармане проверяет. На месте. Шапку на голову натягивает. Бородку почёсывает. Пакет что ли сунуть в карман? А то, глядишь, там и грибов-то нет. Или корзину взять? Большая уж больно. Да нет. С корзиной-то оно сподручней. Берёт корзину. Из дому выходит. Дверь захлопывает, не закрывши замок. А зачем? Кто залезет? Один тут.

Когда-то давно были у него жена и дочка. Так давно, что он и сам уже не помнит, были ли они точно. Может, сам их выдумал, да потом забыл, что выдумал? Сконструил себе реальность и живёт в ней. Нет. Вроде были.

Грустит Петрович. Ходит по лесу. Грибы собирает. По болотистому берегу мимо осин пройдёт. По-за кустами траву обшарит. Вслед за соснами на холм подымеется. Оглянется на полянке по сторонам. Каждый гриб он выучил. Каждый знает. Каждому имя дал. Малыши-маслята. Толстяки-белые. Потянется за яркой шляпкой да пнёт от обиды... Вот жеж Кузькина мать! Мухомор. Да только не на кого обижаться. Вокруг только сосны своими стволами ввысь тянутся. Островерхими макушками в небо тычут. К звёздам хотят. Не до грибов им.

Вздохнёт Петрович. Дальше пойдёт. По тропинке вниз с холма. Мимо кустов опять. А там и снова озеро с заболоченным бережком. Вроде напрямик старается, а всё кругами ходит. Ноги словно сами заворачивают, от дома уйти не дают. Прирос к своей земле Петрович. А может и хорошо это? Не заблудишься.

Наматывает Петрович петли повокруг озера. Устанет. Выйдет снова к соснам своим на пригорке. Там на полянке на поваленный ствол присядет. Солнце пригревает. Тепло. Щурится Петрович с непривычки от яркого света. Рукой траву задумчиво пригладит. Вроде не касается почти. А трава под ладонью пригибается, словно слушается его.

И тихо так. Спокойно. Хорошо. Настолько хорошо, что будто и не настоящее всё какое-то...

И вакуум этот ваш ложный. Ложный, как пить дать! Вот бы проверить как? Взять бы какую чёрную дыру. Да не простую, а такую сверхмассивную, что все ваши излучения

Хокинга на границе горизонта событий, все ваши квантовые эффекты в полный рост по-вылазили. Да вторую приладить. Да исхитриться, и ею по первой садануть как следует. Вот тогда это самое метастабильное состояние и скувырнётся. Должно скувырнуться. Локально хотя б. А там, глядишь, цепная реакция всё за собой потянет. Материю. Пространство-время. Всю Вселенную!

Весело Петровичу. Улыбается. Ожил. Глаза горят. Идеей вдохновляется. Обмозговывает. Теория теорией, а эксперимент дело такое... Переводит науку в плоскость инженерных проблем. Только на Земле нашей грешной всё это не провернёшь и не проверишь. Никакой энергии не хватит. Это ж в космос лететь надо. Прямо туда, куда сосны свои макушки направили. К чёрной дыре. В центр галактики. А то и не нашей. Далеко. Тысячи световых лет. Десятки тысяч. Жизни всего человечества может на такой полёт мало будет. Не то, что одного человека. Человечка. Человечишки...

Приглядится Петрович. Очки на носу поправит. Рядом с ним в складках коры по-вдоль ствола муравьи ползают. Мизерные такие, а тоже копошатся. Что-то делают. Свой мир строят. Подденет Петрович одного на свой ноготь. Поймает. Вверх поднимет. Поднесёт поближе к очкам. Тот мечется. Растерялся. Головёшка глупая. Маленькая. Меньше спичечной. Меньше булавочной. Посади такого в коробок, а то и в какое пространство поменьше, так он же ему целым миром почувдится. Важно-то, как ни странно, совсем не то, что по-всамделишному есть. А именно то, что кажется. В отличие от муравьишек нам-то главнее не дышать, не пить, не есть. Не лес, не озеро, не картошка с грибами. Воспринимать, представлять, мыслить – вот что. А остальное так – необходимые для этого условия. Отреши от них человечка. Помести в коробку высотой сантиметров тридцать. Да и пускай себе в космос, куда сосны устремились. Сам он себе свой мир сделает. Сам обустроит. И никакие десятки тысяч световых лет не страшны.

Кто-то скажет, что это же всё иллюзии. Обман и фикция. Что заперт такой человек в их плену. Сидит внутри своей капсулы, как муравьишка в спичечном коробке. Да и сам-то человек ли уже? Так. Цифровая симуляция сознания. Допустим, оно и так. Да только может такая симуляция до звёзд добраться. А человечешка навряд ли... Да точно! Никак не может. Вот и получается, что внутри мы намного свободнее, чем снаружи. Делай что хочешь. Изобретай. Создавай. Думай. А капсула пускай летит в наружной темноте, куда ей следует. Да и не так ли разве было всегда на нашей Земле, ежели подумать? Сидим на шарике. Ходим по замкнутой поверхности. В мысли погружаемся. Природой любимся. А снаружи что? Как крутится? Куда несётся? Почему? Зачем? Никто и не задумывается почти.

Дунет Петрович на муравьишку. Тот улетит куда-то вниз в послушную приглаженную траву. В темноту между зелёными стебельками. Так, что и не видно его. Черным черно. Что же это там такое чёрное? Не так как-то. Приподнимется Петрович. Стёкла очков протрёт ещё раз для порядку. Прищурится. Раздвинет зелень руками. Разгребёт листву. А там не мох. Не почва. Не земля. А дыра. Пустота. Ничего. Точно. Не Земля.

Вот ведь прореха! Разозлится Петрович. Схватится за края дыры. Потянет в стороны да начнёт всё туда скидывать. Корзинку свою. Грибы. Сосны. Озеро с лодкой. Дом с полисадником. Кастрюлю с картошкой. Ведро дырявое. Один останется. Выдохнёт. Успокоится малость. Всё. Самому-то падать больше некуда. А лететь-то ещё ой как долго. Чего же зазря в пустоте висеть. Делать нечего. Придётся всё назад собирать. Простран-

ство замкнёт вокруг. Свет наладит. Небо с облаками. Землю с холмами. Озеро с водой. В саду яблони облетают. На полянах рябины золотятся. На болотистом берегу осины пунцовой краской расписаны.

Оглянется по сторонам Петрович. Улыбнётся. Хорошо вышло! Всё нравится ему. И сосны. И дом. И озеро с лодкой. И вот ведро тоже. Новенькое. Эмалированное. Дно гладкое, прочное. Стукнешь – звенит. Может, человека ещё какого сконструировать? Задумается. Нет. Не надо. Только мешать будет. А дел-то много ещё... Метастабильный вакуум – это вам не картошка с грибами. Соображать надо. Вот только осень. Холодает. Так и тянет поспать. Пойти, прилечь, что ли?